

Идеальная книга для любителей архитектуры и путешественников.

The Daily Telegraph

100 величайших соборов Европы

Саймон Дженкинс



Саймон Дженкинс 100 величайших соборов Европы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68988070

*100 величайших соборов Европы: КоЛибри, Азбука-Амтикус; Москва;
2023*

ISBN 978-5-389-22587-9

Аннотация

Очерки о 100 соборах Европы, разделенные по регионам: Франция, Германия, Австрия и Швейцария, Великобритания, Италия и Мальта, Россия и Восточная Европа, Скандинавские страны и Нидерланды, Испания и Португалия. Известный британский автор Саймон Дженкинс рассказывает о значении того или иного собора, об истории строительства и перестроек, о важных деталях интерьера и фасада, об элементах декора, дает представление об историческом контексте и биографии архитекторов. В предисловии приводится краткая, но исчерпывающая характеристика романской, готической архитектуры и построек Нового времени. Книга превосходно иллюстрирована, в нее включена карта Европы с соборами, о которых идет речь.

«Соборы Европы – это величайшие произведения искусства. Они свидетельствуют о христианской вере, но также и о

достижениях архитектуры, строительства и ремесел. Прошло уже восемь веков с того времени, как возвели большинство из них, но нигде в Европе – от Кельна до Палермо, от Москвы до Барселоны – они не потеряли значения. Ничто не может сравниться с их великолепием. В Европе сотни соборов, и я выбрал те, которые считаю самыми красивыми. Большинство соборов величественны. Никакие другие места христианского поклонения не могут сравниться с ними размерами. И если они впечатляют сегодня, то трудно даже вообразить, как эти возносящиеся к небу сооружения должны были воздействовать на людей Средневековья... Это чудеса света, созданные из кирпича, камня, дерева и стекла, окутанные ореолом таинств». (Саймон Дженкинс)

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Благодарности	8
Предисловие	13
Двадцать пять лучших соборов	61
Франция	63
Альби	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Саймон Дженкинс

100 величайших соборов Европы

Ханне

Simon Jenkins

EUROPE'S 100 BEST CATHEDRALS

Впервые опубликовано в 2021 году в Великобритании издательством Viking, импринтом Penguin General, подразделения группы компаний Penguin Random House.

© Simon Jenkins, 2021

© Черезова Т. Л., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

* * *

Глубина подачи материала в сочетании с заразительным энтузиазмом автора в отношении соборов – чудес европейской архитектуры –

гарантирует удовольствие от прочтения.

Кен Фоллетт, командор ордена Британской империи за заслуги в литературе, обладатель Edgar Awards, Qué Leer Prize, Libri Golden Book Award, Olaguibel Prize, Corine Literature Prize и Premio Bancarella

Увлекательная книга вдохновляет на внимательное изучение интерьеров и фасадов соборов.

Telegraph

Захватывающий образец исторического повествования в сочетании с личными воспоминаниями.

Эдвард Холлис, архитектор, директор по исследованиям и профессор дизайна интерьера в Эдинбургском колледже искусств

Детализированный рассказ о величайших соборах Европы и их окружении. Автор не только сообщает интересные факты, но и делится личным восприятием.

Диармайд Маккалох, историк церкви, профессор Оксфордского университета

Книга о великих соборах Европы побуждает отправиться в путешествие, чтобы увидеть воочию описываемые шедевры архитектуры.

The Times

Превосходно иллюстрированная книга о важности

соборов для мировоззрения жителей Европы.

Spectator

Благодарности

Эта книга выходит следующей после издания, посвященного всем соборам Англии (Little, Brown, 2016). Она перекликается с предыдущими работами о храмах Англии и Уэльса. В нее я включил и католические церкви, называемые базиликами, – например, в Везле или Ассизи, где такие сооружения очень знамениты или выступают как соборы.

Я побывал в каждом из описанных храмов – почти во всех специально ради этой книги – и многим обязан различным путеводителям, немалая часть которых выполнена очень качественно, также я пользовался различными интернет-ресурсами. В случае расхождения данных я обычно придерживался местного источника. Я собрал коллекцию книг о соборах Европы, самыми полезными оказались следующие: *Adams Henry*. Mont Saint Michel and Chartres, 1904; *Bony Jean*. French Gothic Architecture, 1983; *Bumpus Francis*. Cathedrals of France, 1927; *Bumpus Francis*. Cathedrals and Churches of Italy, 1926; *Cannon Jon*. Cathedral, 2007; *Cook Olive*. English Cathedrals, 1998; *Crook John*. The Architectural Setting of the Cult of Saints, 2011; *Dunlop Ian*. The Cathedrals' Crusade, 1982; *Holland Tom*. Dominion: The Making of the Western Mind, 2019; *Jacobs Michael*. The Road to Santiago, 3rd edn, 2001; *MacCulloch Diarmaid*. A History of Christianity, 2009; *MacCulloch Diarmaid*. Reformation: Europe's House

Divided, 2003; *Martin Christopher*. Glimpses of Heaven, 2006; *Morris Jan*. Spain, 1964; *Orme Christopher*. The History of England's Cathedrals, 2019; *Parry Stan*. Great Gothic Cathedrals of France, 2017; *Pevsner Nikolaus* and *Priscilla Metcalf*. The Cathedrals of England, 1985; *Prasha Anne*. Cathedrals of Europe, 1999; *Somerville Christopher*. Ships of Heaven, 2019; *Tatton-Brown Tim* and *John Crook*. The English Cathedral, 2002.

Книга предназначена широкому кругу читателей. Я сделал краткий обзор христианской истории в целом и истории отдельных стран в соответствующих разделах. Невозможно описать христианский собор, не предполагая некоторого знакомства с Библией и ее историями. Расшифровка некоторых понятий есть в глоссарии.

Не могу поименно поблагодарить всех друзей, называвших свои «лучшие» соборы или направлявших меня к не самым известным. К последней категории я отнес бы Сен-Бертран-де-Комменж, Керкуолл и Трани. Текст целиком или частично читали Джеймс Камерон, Джон Крук, Питер Фертадо, Ричард Харрис и мой брат, Том Дженсинк. Ян Моррис успела просмотреть раздел «Испания» до своей смерти в 2020 году. Фотографии искала Сесилия Маккей, а дизайн принадлежит Клер Мейсон. Стилистическая правка – Гейл Ханникет, детали проверяла Лаура Моро, текст вычитывал Питер Джеймс. За изданием следили члены великолепной команды Penguin Viking: мой редактор Дэниэл Крю, а также Коннор Браун, Шарлотта Фейбер, Рут Киллик, Франсиска

Монтейро и Натали Уолл.



Средневековый пейзаж с храмами

Предисловие

Соборы Европы – это величайшие произведения искусства. Они свидетельствуют о христианской вере, но также и о достижениях архитектуры, строительства и ремесел. Прошло уже восемь веков с того времени, как возвели большинство из них, но нигде в Европе – от Кельна до Палермо, от Москвы до Барселоны – они не потеряли значения. Ничто не может сравниться с их великолепием. Дав волю честолюбию, каноники Севильи пообещали «построить такой храм, что люди сочтут нас безумцами».

Кафедральный собор – это такой храм, в котором служит епископ, главный священнослужитель на той или иной территории. В Европе сотни соборов, и я выбрал те, которые считаю самыми красивыми. Некоторые соборы потеряли статус кафедральных, а часть я включил потому, что они не менее интересны и особо значимы, как, например, собор Святого Петра в Риме или Вестминстерское аббатство в Лондоне. Ватикан часто называет католические соборы базиликами. Я не включил в книгу монастырские храмы и коллегиальные церкви, которые составляют отдельную категорию.

Большинство соборов величественны. Никакие другие места христианского поклонения не могут сравниться с ними размерами. И если они впечатляют сегодня, то труд-

но даже вообразить, как эти возносящиеся к небу сооружения должны были воздействовать на людей Средневековья. Во Франции не было ничего настолько масштабного, как Амьенский собор XIII века, пока спустя четыре столетия Людовик XIV не построил Версаль. Соборы поражают людей любых верований и вообще не верующих. Все дивятся средокрестию в Или, игре теней в толедском алтаре Транспаренте, вечерним лучам солнца, скользящим по фасаду собора Святого Марка в Венеции. Это чудеса света, созданные из кирпича, камня, дерева и стекла, окутанные ореолом таинств. Эти таинства могут показаться неясными тем, кто незнаком с историей христианства и литургией, однако таинства все же выходят за религиозные пределы. Не зря французский писатель Андре Мальро назвал соборы «музеями воображения».



Собор Святого Марка в Венеции на закате

Как и большинство моих современников-европейцев, я родился в христианском обществе, в семье воцерковленных христиан. Как атеист, я не принял веру родителей, но любовь к архитектуре всегда заставляла меня задумываться над тем, почему вера способна создавать такие материальные места поклонения. Меня поражало величие этих строений и то, как оно связано с их назначением. Я понимал, почему мыслители французского возрождения называли соборы «укором рассудку».

Соборы возводились в знак поклонения христианскому Богу. Для этого спонсоры их строительства объединяли все известные архитектуре искусства, а также знания и жесточайшую умственную дисциплину. Американский писатель Генри Адамс немалую часть своей жизни посвятил французскому собору Шартра и его сравнению с аббатством Мон-Сен-Мишель: в одном религия обращена вовне, а в другом – внутрь. Он считал, что привлекательность средневекового собора заключается в «притяжении силы к будущей жизни». Соборы возвеличивали поклонение Богу, чья невыразимость породила сравнение с земным властителем, богатым тронами, святыми служителями и дворцами. Эти дворцы стали тем, что французский аббат Сугерий, создатель готического стиля, назвал «светом небесным, принятым в величии» на земле. Иначе говоря, как лаконично отметил

увидевший Шартрский собор Наполеон, «здесь атеисту не место».

Адамс считает, что соборы также играли более специфическую роль, которая становится ключом к пониманию того, что мы видим внутри этих зданий. Это – христианский и в особенности римско-католический принцип заступничества, договоренности между человеком и Богом с целью обеспечить вечное блаженство. В то время, когда эти храмы строились, помочь переносить жизненные лишения могла именно вера в эту вечность (и часто – только вера).

И с самых ранних времен такую веру дополняла надежда на то, что как друзья молятся за нас на земле, так мученики и святые могут молиться за нас на небесах – и, наверное, даже более эффективно. Это в особенности относилось к Деве Марии. Повседневная жизнь в Средние века была полна боли и насилия, а Мария была символом мира, чистоты и любви. Она ярко выделялась на фоне пугающих изображений наказаний и ада, которыми христиане украшали свои храмы. Никогда не забуду старушку, увиденную мной в соборе в Кракове: она стояла на коленях перед освещенной светом свечей Марией, и по ее лицу струились молитвенные слезы. Таково воздействие собора.

В посреднической миссии соборов важную роль играют святые. Этим объясняется наличие множества раков со святыми мощами, говорящих о том, что святые одновременно присутствуют на земле и на небесах. К началу XII века пап-

ская власть закрепила за католиками эксклюзивные права на канонизацию, тем самым установив свою исключительную власть над искуплением и в этой жизни, и в будущей. Ее приверженцам надо было только молиться – и платить. Миллионы отправлялись в крестовые походы и паломничества с этой целью. Величайшие подвиги совершались во славу святых – а порой вершились и отвратительные преступления. Добытые мощи обеспечивали громадный коммерческий успех соборам, даже если их привязка к какому-либо конкретному месту была совершенно произвольной, как, например, мощей святого Иакова к Сантьяго-де-Компостела в Испании. Соборы были настолько притягательными, что люди преодолевали огромные расстояния, чтобы их увидеть. Они всегда были – и сейчас остаются – важнейшей туристической достопримечательностью Европы.



Мария: культ мира, чистоты и любви



Кентербери с паломниками

Соборы играли важнейшую роль в интеллектуальной жизни Европы. Современный секуляризм принижает роль христианства в эволюции того, что сейчас называют общечеловеческими ценностями. Однако, как настоятельно напомнил нам историк Том Холланд, хотя кажется, будто церков-

ное учение противопоставлено рационализму, инакомыслию и терпимости, оно никогда полностью не отгораживалось от европейского философского дискурса. Придворные круги Карла Великого (пр. 768–814) и/или Парижа XII века, а также монастыри и университеты считали себя наследниками Древней Греции и Рима. Они соотносили классические учения с учениями христианской церкви и ее отцов: Павла, Августина, Григория Великого и Фомы Аквинского.

Такое ощущение интеллектуального вызова – определяющая черта христианства по сравнению с другими мировыми религиями. В ходе истории она приводила к спорам, ересям и кровопролитным войнам. Все началось с Великой схизмы 1054 года – разделения восточной и западной церквей. Начиная с XVI века эту тенденцию продолжили Лютер и Кальвин, свергнув Европу в войну, равной которой не было вплоть до XX века, – Тридцатилетнюю войну 1618–1648 годов. Расхождения продолжались и в эпоху Просвещения XVIII века, и в богословских спорах XIX и XX веков. При всем догматизме и консерватизме христианской церкви ей не были чужды индивидуализм, равенство людей, прощение и милосердие. Хотя по ее соборам пронеслось множество революций, самым удивительным остается то, что почти все они сохранились, тогда как замки и дворцы рухнули и исчезли.

По отношению ко мне собор сохранил способность внушать благоговение. Эстет от религии епископ Ричард Харрис утверждает, что это свидетельство Божественной красо-

ты. У меня нет возможности проверить этот тезис, невозможно исключить сам неопровержимый факт этой красоты: стен, которые ее окружают, окон, которые ее освещают, и музыки, которая наполняет ее пространство. Если в моей цепочке восхищения отсутствует некое звено, то я готов признать, что я что-то потерял. Знаю только, что многие христиане придерживаются веры, которая сподвигает их на щедрость, благородство и духовный подъем. Если все это привело к возведению столь чудесных строений, то я не вижу в этом никакого «укора рассудку». Я радуюсь нашей общей человечности и выражаю глубочайшую благодарность за нее.

РОМАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Ранняя церковь подвергалась преследованиям, однако вела активную проповедническую деятельность. Со времен апостола Павла у нее были руководители на местах, называемые пресвитерами, а затем епископами, которые считали себя духовными преемниками апостолов. После того как в 313 году нашей эры император Константин решил снять запрет с христианства на всей территории Римской империи, эти служители приобрели гражданский статус магистратов. Они проводили службы в зале-базилике, в одном конце которого находилось возвышение с магистерской кафедрой или тронем. Так с самых ранних времен епископы были отделены от мирян и клира, словно сравнившись с правителями.

На следующий год после этого решения, в 314-м, Константин созвал в Арле совет епископов, в который вошли три представителя Британии: из Лондона, Линкольна и Йорка. Это говорило о существовании церкви, чья иерархическая система достигла самых дальних границ Римской империи. Епископы были источником силы – но также и противоречий. Даже Павел писал коринфянам: «Умоляю вас, братия, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений». Однако уже в 325 году, всего через десять лет после Арелатского собора, Константину пришлось созвать новый собор в Никее, чтобы объявить ересь арианство, утверждавшее, что Иисус был творением Бога и потому стоял ниже него, отрицая Троицизм Отца, Сына и Святого Духа. Арианство, родоначальником которого в IV веке стал Арий, пресвитер из египетской Александрии, распространилось по Северной Европе и было близко к тому, чтобы стать господствующим учением во всей Западной империи.

Итак, с самых давних времен епископы были чрезвычайно важны для церкви. Они были ее территориальными главами и единственным средством утверждения авторитета церкви. Однако постепенно эти главы закрепились еще сильнее в своих странах. Начиная с инакомыслящего папы Григория Великого (Двоеслова) (годы папства 590–604) и заканчивая Великой схизмой католической и православной церквей в 1054-м в христианстве шло разделение. Мусульманские нашествия VII–VIII веков ограничили его влияние

в Восточном Средиземноморье. Христианская Римская империя в Африке и Азии, которой якобы руководили из Константинополя, вообще исчезла – а вместе с ней была потеряна половина христианского мира. С этого времени можно отсчитывать рождение Европы как континента-полуострова.

Священная Римская империя Карла Великого возникла в 800 году на территории современных Германии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Франции и распалась вскоре после его смерти. Правители входивших в нее королевств вступали в распри друг с другом и с папским престолом, из-за чего местные епископы, в свою очередь, оказывались в ситуации конфликта интересов. Франция вышла из состава империи. Серьезные разногласия – такие, например, как у германского Генриха IV с папой в 1076 году и английского Генриха II с Томасом Бекетом в 1170-м – возникали в связи с вопросами к папской власти. В этот период не империя, а церковь, имевшая широкую народную поддержку, становится средоточием эмоциональной силы и влияния. Она проповедовала одну доктрину на одном языке, латыни, и подчинялась одной власти – власти Рима.

Никакая светская власть не могла сравниться с богатствами этой церкви и ее епископов. По некоторым оценкам, церкви принадлежала четверть всех земельных угодий Европы. Равных ей по могуществу попросту не существовало. Хотя у папы римского не было армий, он мог призвать армии всех, кто был ему верен, – в частности, для крестовых похо-

дов в Святую землю, первый из которых случился в 1096 году. Эти начинания оказались дорогостоящими, бесплодными, а четвертый поход, 1204 года, еще и скандальным: тогда венецианские наемники направились в сторону от Иерусалима, чтобы ограбить Константинополь. Тем не менее крестовые походы стали первым совместным и поистине европейским предприятием, проводившимся по инициативе церкви.

Епископы стали влиятельными фигурами во всех землях. Они входили в число выборщиков императора Священной Римской империи. Статуя на стене собора в Майнце изображает епископа, коронующего двух откровенно крошечных императоров. Церковь объявила себя хранительницей морали всей Европы – и какое-то время Европа не спорила. Заявления о власти над загробной жизнью – искуплением, избавлением и спасением – заставляли покоряться и монархов, и их подданных. Епископы, аббаты, священники и ученые создавали братства по всей Европе при поддержке все расширяющегося монашеского движения. Догматы, имеющие законную силу благодаря церковным судам, были сформулированы в эдиктах влиятельных пап – таких как Григорий VII (годы папства 1073–1086) и Иннокентий III (годы папства 1198–1216). В 1088 году в Болонье был основан юридический факультет для составления канонического или церковного права. Церковь стала настоящей империей веры.

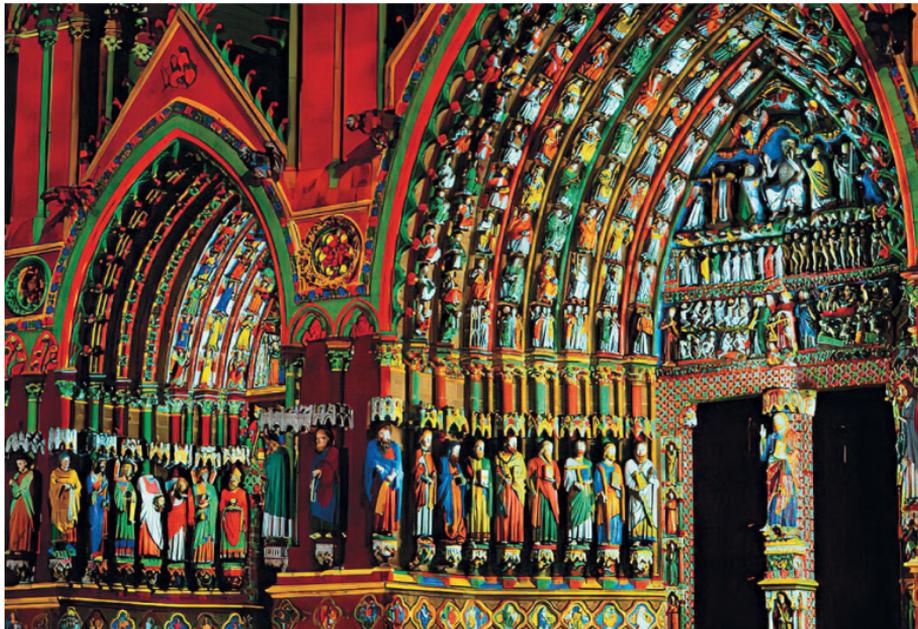
Это главенство было недолгим. К XII веку народы Европы начали формировать ярко выраженные государства с силь-

ными династиями. К французским Капетингам и германской Саксонской династии добавились английские Плантагенеты и Хименесы испанской Кастилии, а затем и более поздние роды. Сельский феодализм разбавлялся развивающейся торговлей. Войны и паломничества способствовали мобильности населения.

И, что главное, развивались города: Париж, Ипр, Кельн, Милан и Палермо. Их торговцы процветали. Как и их епископы, «князья церкви», чья преданность далеким и нечистым папам становилась все менее очевидной. В церковной иерархии архиепископы следовали сразу за монархами. Епископы поддерживали тесные связи с аристократами – зачастую потому, что были сыновьями и племянниками благородных семейств. Церковь обеспечивала королей канцлерами и должностными лицами. Укрепление института церкви проявилось и в материальном. Дома епископов – даже в Англии – стали называться дворцами, их кресла – тронами, а их храмы – соборами.

Первые соборы были просто большими церквями, причем в начале Средних веков самые впечатляющие находились в монастырских аббатствах и местах остановок паломников. Два таких храма попали в эту книгу: это соборы в Везле и Тулузе. Планировка этих церквей берет за основу либо греческий (равноконечный) крест, либо римскую базилику (не путать с ватиканским названием важного некафедрального храма). Сохранилось очень мало древних базилик, хо-

тя я описал здесь базилики Санто-Стефано в Болонье и Торчелло в Венеции. Их планировка и декор восходят к древнеримской архитектуре с характерными элементами, такими как апсида, полукруглая арка и капители с листьями аканта. В базилике появляются боковые приделы и трансепты, которые создают привлекающее внимание средокрестие. Святая святых, обычно в восточной части, предназначалась исключительно для священнослужителей, а миряне оставались в более длинном нефе, расположенном напротив (свое название неф получил от латинского *navis*, «корабль» – все из-за своей формы). Западные фасады – в особенности тимпан над входом – часто бывали украшены сложной резьбой с поучительными библейскими сюжетами, такими как Страшный суд или притча о мудрых и неразумных девах.



Лазерная подсветка возвращает Амьенскому собору оригинальный вид

Этот исходный романский стиль был продолжением архитектурных традиций классики. По Европе он распространился благодаря епископам и правителям, стремившимся подражать друг другу, и каменщикам из их свиты. Крестоносцы тащили из Леванта новые варианты арок и капителей. Мусульманские мотивы сохранились в Сицилии и в Испании. Однако основа была единой везде, от саксонского Рейна до испанского Сантьяго, от нормандского Дарема до Сицилии. На внутреннее обустройство храмов повлиял Хроде-

ганг, епископ Меца (годы епископства 742–766). Благодаря ему появился закрытый хор, где священники служили ежедневную литургию, – такие практики часто оставались для мирян невидимыми. Влияние реформ Хродеганга прослеживается в католической архитектуре вплоть до XX века.

Императоры Священной Римской империи, относившиеся к Саксонской династии (правили в 919–1024 годах), профинансировали строительство крупных соборов в Магдебурге, Майнце, Вормсе и Шпайере. Их отличает наличие на обоих концах здания апсид, обычно посвященных Деве Марии и какому-нибудь местному святому. Однако ничто не прославило романский стиль так, как завоевание Англии Вильгельмом I в 1066 году. Норманны продемонстрировали свое главенство, перестроив почти все английские соборы, аббатства и церкви во франко-романском стиле, по праву названном нормандским. В Уинчестере и в соборе Святого Павла в Лондоне были самые длинные нефы в Европе, в Норидже – одни из самых высоких башен, в Дареме – возможно, самый первый нервюрный (реберный) свод, то, что позже стало неотъемлемой частью готического стиля.



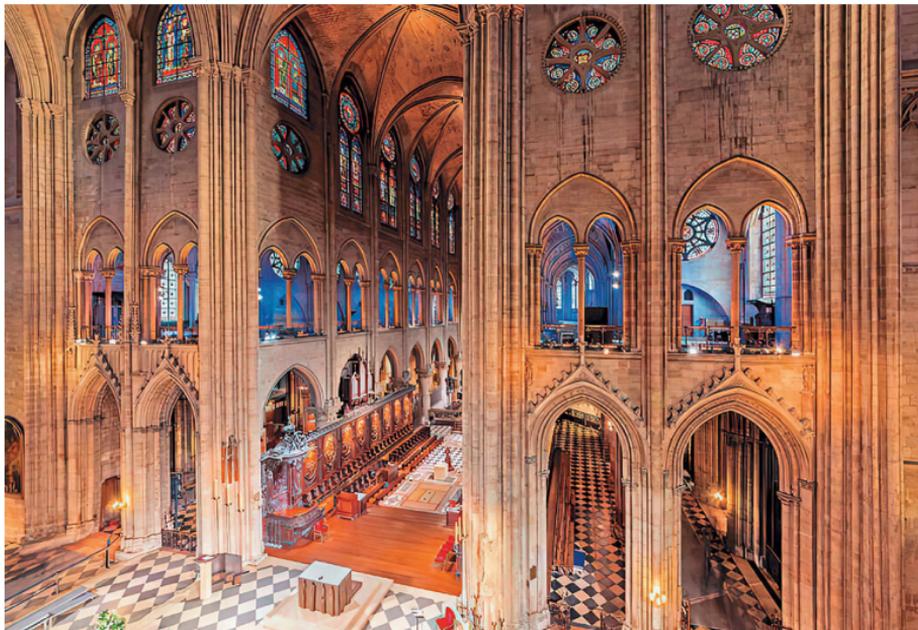
Моденский фриз: Библия бедняков

Тем не менее романскому стилю не удалось преодолеть инженерные ограничения. Соборы могли быть высокими, но вес крыш ложился непосредственно на толстые стены и фундаменты. Внутри было темно, большинство крыш делались из легкой древесины. Башни были основательными, поднимались ярус за ярусом. Романский стиль практически не развивался: менялись только размеры. Современный зритель отметит в первую очередь скульптуру – в особенности на западных фасадах и капителях нефа. Порттик Славы в Сантьяго-де-Компостела, тимпан Жильбера в Отёне и скульптурное убранство руки Вилиджельмо в Модене – это выдающиеся произведения искусства, но они странно статичны. В Арле я заметил, что лица на римских саркофагах IV века удивительно похожи на лица в клуатре XII века. Кажется, будто резец скульптора восемьсот лет ходил по одной и той же борозде.

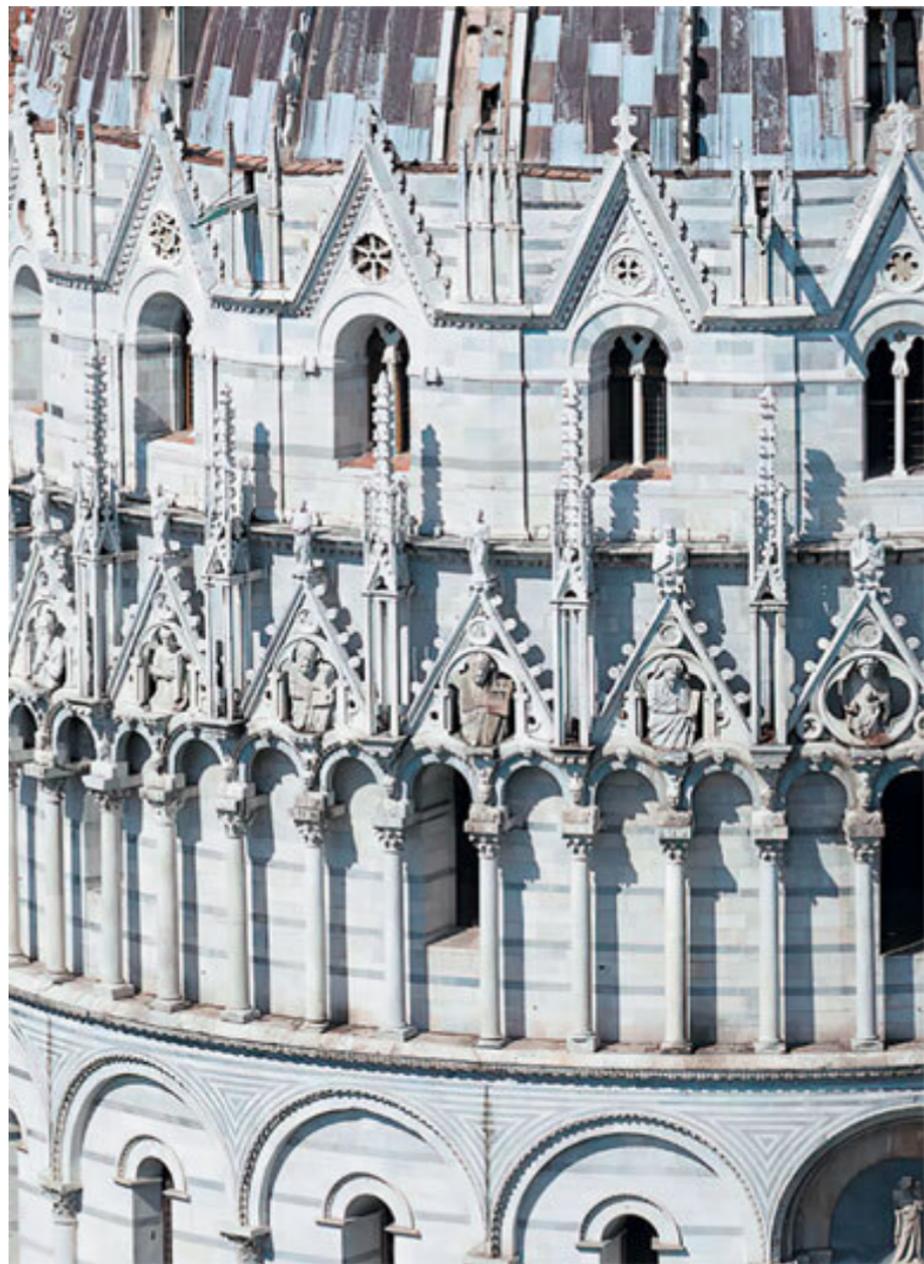
ЭПОХА ГОТИКИ

Несмотря на строительную лихорадку в нормандской Англии, в стилистическом авангарде Европы была Франция. Начиная с 987 года при Капетингах район Иль-де-Франс вокруг Парижа считался процветающим и по большей части мирным. Его население (порядка 100 000 человек) уступало в Европе только Константинополю. Его университет по престижу догнал Болонский, и его студенты обжили левый берег Сены академическим Латинским кварталом, названном так по языку, на котором они общались. Здесь возникло явление, которое историки назвали Ренессансом XII века, возродившим интерес к латинской поэзии, римскому праву и трудам Платона и Аристотеля.

Студенты стекались послушать харизматичного философа Пьера Абеляра (1079–1142), который, как считается, обращался к тысячным аудиториям, а не только влюбился в прекрасную Элоизу. Абельяр утверждал: «Усомнившись, мы начинаем спрашивать, а спрашивая, приходим к истине». Человечество придет к вере благодаря разуму и словам Библии, а не повинуюсь церковной власти. Его идеи позже подхватил парижский философ Фома Аквинский (1225–1274), и они на века стали лозунгами церковной реформации.

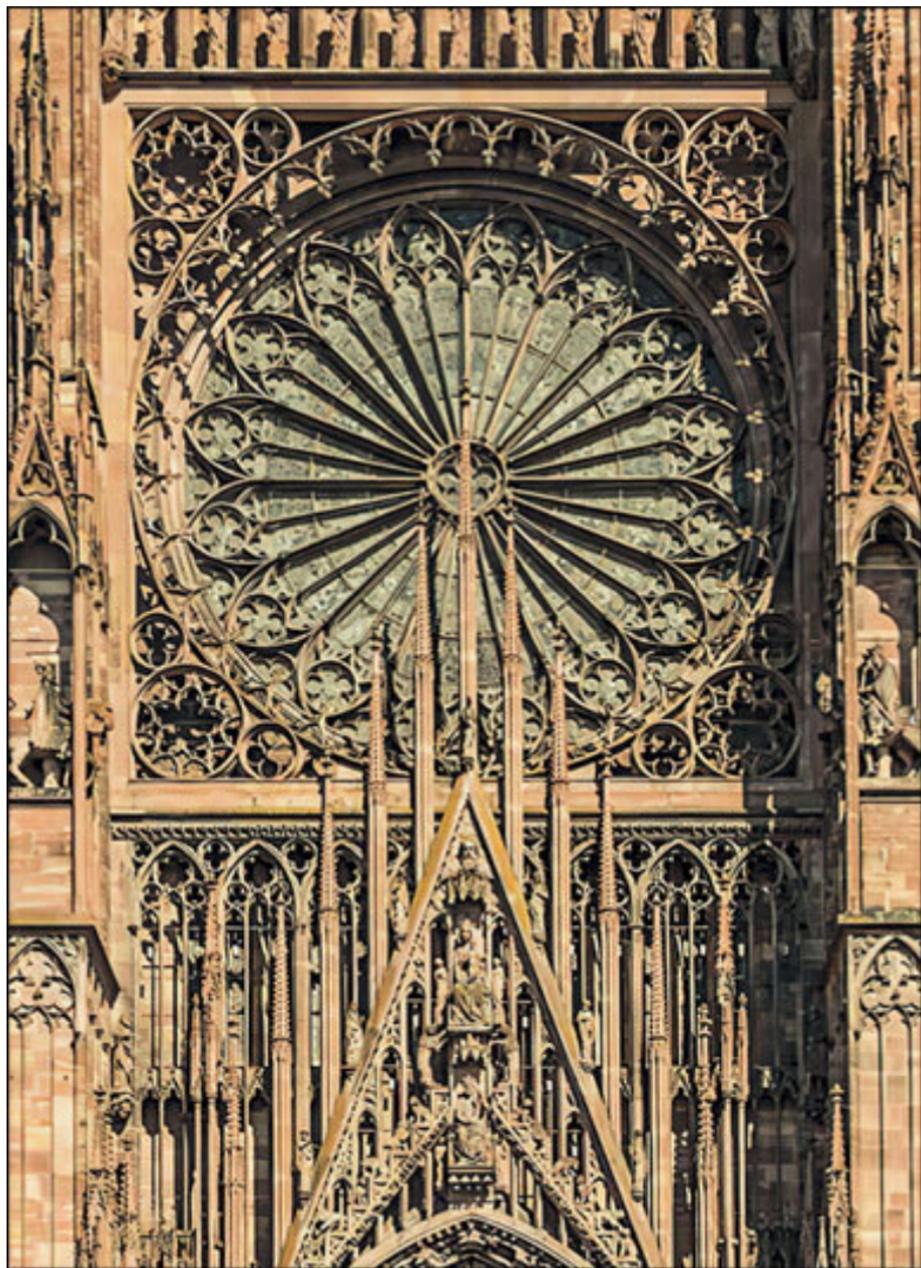


Нотр-Дам и заря готики



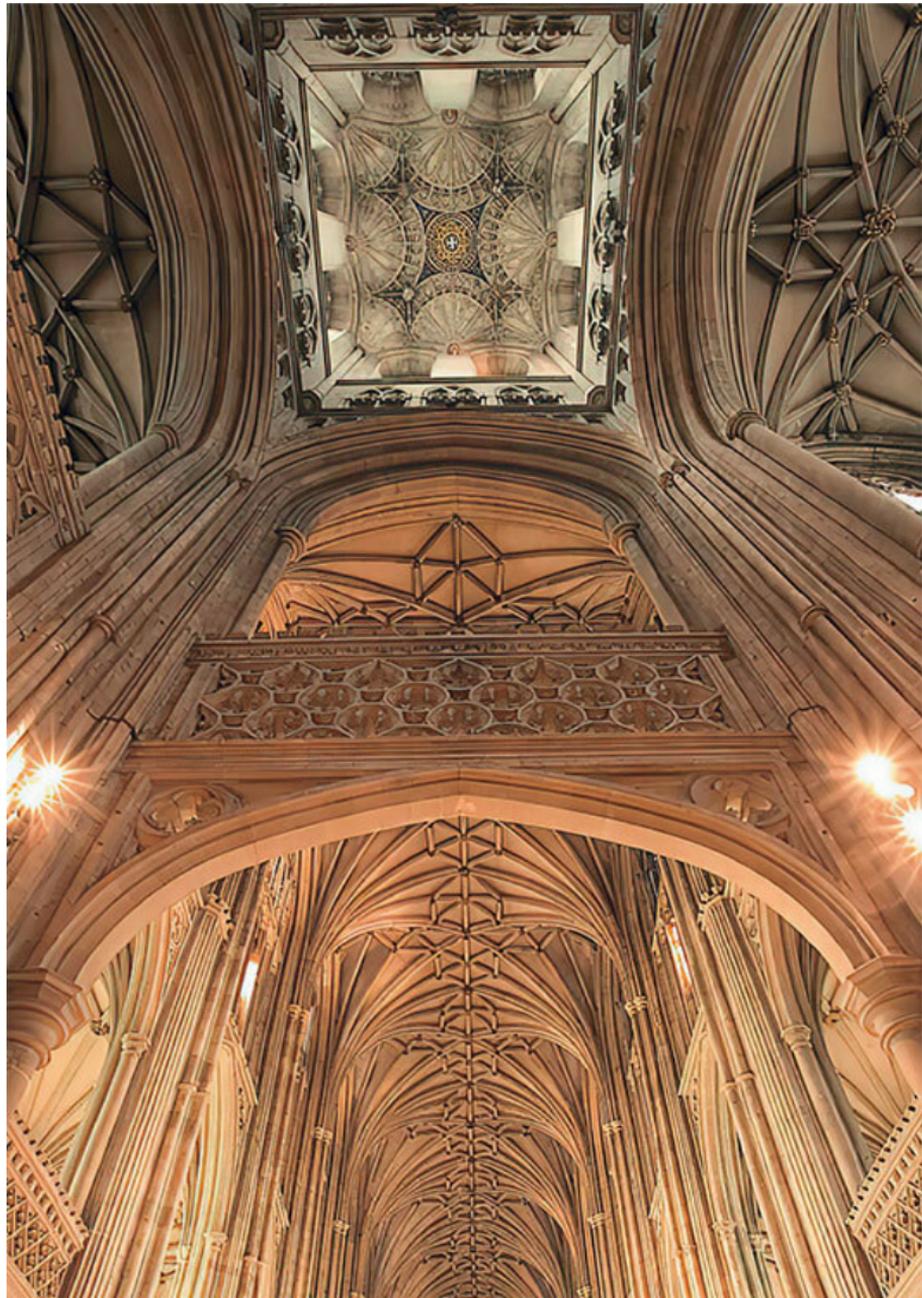
Пиза: украшенная готика

Это учение оказало огромное влияние на церковную архитектуру. Пока Абеляр устраивал одну революцию, его современник аббат Сугерий (1081–1151) из аббатства Сен-Дени близ Парижа устраивал другую. Если ведущей темой для Абеляра стал разум, то для Сугерия такой темой стал свет – и аббат искал соответствующую архитектуру. Стиль, который позднейшие поколения называли готикой, был чем-то большим, нежели просто конструированием, приложенным к богословию. Была создана новая эстетика. То, что человек пришел к Богу и поклоняется ему, должно было олицетворяться уходящими вверх линиями. В романской церкви молящиеся склоняли головы под гнетом темной тайны. В готической церкви их взгляды устремлялись к небесному источнику света. По словам биографа Абеляра Роджера Ллойда, «занавес поднялся, явив миру самое яркое и радующее столетие христианской истории» – то, которое любители готических соборов могли бы назвать «Великолепным Двенадцатым».



Страсбург: пламенеющая готика

Готика сломала рамки средневековой архитектуры. Она заменила статику динамикой, увлекая зрителя в пространственное приключение. Как писал Честертон, «гиганты, головы подняв, дивятся, как высоко простер десницу человек». В Иль-де-Франс ответили бы, что очень высоко – выше любой пирамиды. Готика затронула те струны человеческой души, которые никогда уже не замолкали. Даже сегодня она продолжает притягивать дизайнеров, оставляя следы во множестве их творений: от волшебных замков до фильмов ужасов, от моды готов до декораций поселений хоббитов и Хогвартса. Ее колокольни, щипцы и башни так и не были раздавлены прямыми углами модернизма или каракулями «авангардистов».



Кентербери: перпендикулярная готика



Антверпен: на сцену выходит барокко

У Сугерия были критики. Консервативный цистерцианец, святой Берnard Клервоский (1090–1153) сетовал на церковь, которая «одевает свои камни в золото, но оставляет своих сыновей нагими». Он «почитал за навоз то, что сияет красотой, чарует слух, услаждает через обоняние, льстит языку», и так же относился к «огромной высоте, непомерной длине и ненужной ширине». Он считал, что храм – или по крайней мере монастырь – должен быть строгим, темным и загадочным. Однако с Сугерием ему было не справиться. Тот был искусственным человеком, старшим советником двух королей Франции, Людовика VI (пр. 1108–1137) и его сына Людовика VII (пр. 1137–1180). Новый стиль, названный *le style française* или *opus francigenum*, стал не просто популярным, а официально признанным архитектурным стилем Франции. Он быстро распространился в Англии, Германии и Испании. Историки искусства выделили особую «переходную» категорию, к которой отнесли те храмы, где в процессе строительства сочли необходимым переключиться с романского стиля на готику. В эту категорию входят Шартрский собор, Нотр-Дам и Страсбургский собор.

Готика по путям паломничеств попала в северную Испанию и Сантьяго-де-Компостела: ее «перетасили» рьяные епископы и французские мастера-каменщики. Особенным спросом пользовались строители из Буржа, так что в двадцатых годах XIII века соборы в Бургосе и Леоне перестро-

или французы. В этом стиле был перестроен после пожара 1174 года Кентерберийский собор. Готика приобрела свою особую английскую специфику при перестройке Линкольнского собора в 1186 году епископом Хью: позже ее стали называть ранней английской готикой (я предпочитаю называть ее просто ранней готикой). Именно в этом стиле в 1220 году начал строиться новый собор в Солсбери. Он относительно скромнен по сравнению с фейерверком Амьенского собора, заложенного в том же году.

Германия оказалась более медлительной, хотя каноники Страсбурга в 1225 году «переключили» свой наполовину возведенный романский собор на готику. В Кельне строительство началось в 1248 году, а в Регенсбурге – в 1273-м. Одна Италия проявила стойкость. Там романский стиль сохранялся в течение всего Средневековья, а готика использовалась только для украшений, как, например, на щипцах и ажурных каменных переплетах в Пизе и Флоренции. По правде говоря, итальянское сопротивление этой революции – очень любопытное ответвление в соборной истории. Могу только предположить, что у этой родины всех церквей сохранялась некая верность стилю ее римских предшественников.

Что самое важное, готика дала архитекторам возможность вводить новшества и соперничать. Поначалу ведущие позиции занимали французские ложи каменщиков (так называли странствующие семьи и группы строителей), но постепенно

лидерами стали немцы, в первую очередь семья Парлер из Кельна и Штейнбахи из Страсбурга. Их имена встречаются очень во многих соборах.

На готику обрушился последний шквал новаций. Французский каменный ажур пошел вразнос – как, например, в трансептах Бове и Руана или на западном фасаде в Труа. Новый, XV век стал веком гигантских башен. Некоторые были великолепны – такие как во Фрайбурге, Кентербери и Глостере. Многие (Кельн и Ульм) оказались настолько сложными, что были закончены только в XIX веке.



Возрожденная готика: завершение Кельнского собора в XIX веке

К середине XIII века на ланцетных окнах появился каменный ажур, известный как лучистая готика. Своды и пилоны обрастали полуколоннами, тимпаны были тесно заполнены, щипцы и парапеты стали сквозными. К XIV веку из лучистой готики вышла пламенеющая готика, а ее причудливые ребра и ажурные отпавились из Франции в Испанию и Германию. Англия в XIV веке пошла в противоположном направлении – к стилю, которому предстояло стать перпендикулярной готикой. В этом строгом стиле как можно больше оконного пространства отводилось витражам, а наверху появились сложные готические своды, веерные и парусные.

К этому времени в римской католической церкви стали заметны признаки раскола. В XIV веке папство разделилось, так что конфликтующий папа пребывал в Авиньоне (1309–1376) под покровительством французской короны. Англия с ее Столетней войной становилась все более самобытной. В семидесятые годы XIV века Джон Уиклиф и лолларды начали критиковать католицизм, в Богемии тем же самым занялся Ян Гус, и в результате по решению папского конклава в 1415 году его сожгли на костре. Католическая церковь не осталась глуха к призывам к реформе. Авиньонский раскол завершился, и была предпринята решительная попытка примириться с византийской православной церковью. Однако едва это было достигнуто, как Константинополь пал, захваченный османским императором Сулейманом Велико-

лепным. В итоге восточное православие было спасено во многом благодаря тому, что его приняла Русь.

Великая эпоха достигла своего рода кульминации в первом десятилетии XVI века. Готическая скульптура прославилась двумя шедеврами Венского собора: саркофагом Габсбургов и кафедрой Антона Пильграма. Вычурный ажур покрыл западный фасад Руана, который позднее так завораживал Моне. Громадное ретабло поднялось над главным алтарем Севильи, и целый лес воздушных орнаментов украсил потолок часовни Девы Марии в Вестминстере. Все это было великолепно, но везде ощущалась избыточность усилий – почти маниакальная. И возникал вопрос: что дальше?

НОВОЕ ВРЕМЯ

В октябре 1517 года Мартин Лютер заявился к Замковой церкви в Виттенберге и, согласно легенде, приколотил к ее двери свои 95 тезисов. Это стало ключевым событием для истории католической церкви – и ее соборов. Реформация Лютера распространилась по северу Германии и под различными личинами проникла в Нидерланды, Скандинавию, Швейцарию, гугенотскую Францию, а со временем и в Англию. Схизма XI века частично была определена географией, и то же относится и к XVI веку: на этот раз север Европы пошел против юга. На Вормсском рейхстаге в 1521 году ни Лютер, ни император Священной Римской империи Карл V

не смогли найти точек соприкосновения. Опасаясь за свою жизнь, Лютер бежал в Саксонию.

Католицизм пошатнулся, но не пал. Тридентский собор в 1563 году признал протестантизм ересью и подтвердил католические догматы в их прежней форме. Это стало началом Контрреформации, что, в свою очередь, дало толчок к перестройке соборов в католической Италии, а также широкому распространению ретабло и всевозможных церковных атрибутов везде, где протестантизм не доминировал. Испания, империя в самом расцвете сил, продолжала богато украшать свои соборы. Здесь признаком перехода от готики к новым мотивам ренессанса, пришедшим из Италии, стал стиль платереско, истоком которого стали ювелирные изделия. Тем временем во Флоренции Брунеллески перетачил полнокровный ренессанс Дуомо на храм Сен-Лоренцо, а в Риме Микеланджело увенчал собор Святого Петра куполом.

XVII век был веком ужаса. Возобновившийся раскол христианства вверг Европу в религиозные войны, пиком которых стала разрушительная Тридцатилетняя война (1618–1648). По ее завершении Вестфальский мирный договор гарантировал протестантским государствам религиозную автономию. Ничто так ясно не говорило о снижении статуса Рима, как то, что на мирных переговорах даже не было представителя папы. Когда он позже выразил протест по поводу такой терпимости, его проигнорировали.

В более спокойном XVIII веке архитектура соборов снова стала уверенной в себе – по крайней мере в католических странах, хотя и в Лондоне после Великого пожара появился красивый протестантский собор. Италия опять отличилась: многие старые соборы были разрушены и заменены на барочные, а интерьеры уничтожены. Огни готики погасли, и на литургическую сцену выплыло барокко.

В XVIII веке преобладал неоклассицизм во всех его проявлениях, и готические соборы вышли из моды и рисковали стать анахронизмами. Многие из них приходили в упадок, над ними нависла угроза из-за подъема протестантизма. Собор Солсбери в Англии был лишен всего внутреннего убранства, а его витражи уничтожил Джеймс Уайетт. В 1772 году юный Гете посетил готический Страсбург и заявил, что был впечатлен этим «раскидистым древом Бога», однако мало кто из современников был с ним согласен. Революционный дух начала XIX века был решительно классицистическим, так что наполовину заброшенному парижскому Нотр-Даму угрожал снос. Спасение пришло в лице Виктора Гюго с его популярным романом о легендарном горбуне.



Реймс: консервация по-французски



Эксетер: консервация по-английски

Мода меняется – везде и всегда. К середине XIX века по всей Европе прокатилась волна возрождения готики. Во Франции Наполеона III Эжену Виолле-ле-Дюку, молодому медиевисту и архитектору, поручили восстановить старые соборы по всей стране. В Британии готика вошла в прежнюю силу начиная с 1830 года. Сэр Джордж Гилберт Скотт в подражание Виолле-ле-Дюку восстановил почти все соборы на острове. Людвиг Баварский возглавил неоготическое движение «очищения» для устранения всех следов барокко. Возрождение духа Средневековья видится и в завершении коло-

колен Кельна и Ульма в соответствии с их первоначальными проектами.

Благодаря своим очень надежным конструкциям большинство соборов смогли пережить две мировые войны XX века – хоть и не без ущерба. Вестфальские мирные договоры стали символом стойкости и спокойствия для людей по обе стороны баррикад. Из-за разрушений 1918 и 1945 годов снова встал вопрос, мучивший реставраторов XIX века. Насколько далеко следует заходить в устранении ущерба, нанесенного временем, загрязнением окружающей среды и войной, и как именно это делать? Что считать оригиналом, а что – репродукцией или подделкой?

На самом деле к XX веку действительно средневековых элементов средневековых соборов почти не осталось. Каменную кладку со временем приходилось заменять, резьбу переделывать. Сегодняшний собор в Шпайере кажется почти новым. То же можно сказать про собор в датском Роскилле. Статуи Реймского собора и Нотр-Дама подозрительно свежи. Преграда хора в Или может с равным успехом быть как средневековой, так и переделанной Скоттом. Большинство соборов относились к разрушительному воздействию времени как к чему-то, что можно исправить, а современные технологии использовались, чтобы отдать дань уважения создателям. Тимпан в соборе в Отёне чудесен не только благодаря первоначальным скульптурам, но и благодаря реставрации.

Британия в XX веке шла иным путем. В шестидесятые

доктрина «сохранить как найдено» не допускала ремонта или замены поврежденной стихией средневековой резьбы. Статуи на западных фасадах Уэльского и Эксетерского соборов разрушены настолько, что невозможно понять, что же они изображали, – а ведь можно было заменить их копиями, отправив оригиналы в музеи, как это делается в Италии и Франции. В дальнейшем я объясню, почему я с такой политикой не согласен.

Кроме того, для меня цвет составляет саму суть готики. Краски можно видеть на отреставрированных фресках в соборах в Ассизи и Орвието, на придверных скульптурах во Фрайбурге и в призрачных оттенках портика в Сантьяго. В Британии ими можно насладиться на возвращенных в середине XX века красках в восточной части Эксетерского собора. Однако самое близкое представление о полном средневековом фасаде нам дает технология ночной лазерной проекции. Я видел, что проекции расцветки в Амьенском соборе и Вестминстерском аббатстве настолько точны, что передают цвета человеческих тел и одежды. Современному зрителю подобные изображения могут показаться аляповатыми, однако именно такими они были в действительности. Мы подвергаем историю цензуре и обманываем сами себя, отрицая видение их создателей. Могу только надеяться, что настанет день, когда готические соборы будут снова раскрашены, и внутри, и снаружи.

Если не считать цвета, то сейчас почти все средневеко-

вые здания полностью восстановлены. Ни одно из выбранных мной не находится в плохом или аварийном состоянии, и большинство очищено от вековой сажи и грязи. Мраморные фасады в Италии выглядят как новые. Испанские стены из песчаника сияют.

Для меня то, что окружает собор – это его сценические декорации. Они неизбежно влияют на восприятие. Именно поэтому я часто отмечаю, насколько хорошо включенные в мою книгу соборы смотрятся в сумерках или ночью. Свет прожекторов – лучшая косметика для собора.

В отличие от приходских церквей, соборы редко окружают себя садами, полями или кладбищами – они чаще выбирают площади или огороженные территории. Большинство из них – неотъемлемая часть своего города, если только они не находятся в объятиях деревьев, как Солсбери на картинах Констебла. Однако и соборы отвечают взаимностью. Они набрасывают на окружение полутени, защищая многие чудесные старинные городские кварталы Европы от бесчувственной новой застройки. Будущее многих городов остается неопределенным, и величественный собор может стать для них «волшебной таблеткой». Мне хочется считать это наследие вечным.

ВЫЗОВ РАССУДКУ

На рубеже XX и XXI веков возникло странное явление.

Тогда как посещение христианских церквей практически всех деноминаций сокращалось уже много десятилетий подряд, соборы стали привлекать новых прихожан. В Британии численность паствы приходских церквей в первом десятилетии XXI века уменьшилась на треть, а вот в соборах наблюдалось противоположное явление: там она увеличилась на треть.

Как я писал в моей предыдущей книге, «Соборы Англии», это, похоже, обусловлено сочетанием сразу нескольких факторов. Притягательность любого исторического здания большого или малого города растет в свете потерь, вызванных возведением новых зданий. Соборы позволяют прикоснуться к древности без той интеллектуальной нагрузки, что есть у музея или галереи. В соборах правит неосложненная красота. Еще одним фактором стала так называемая светская духовность. Собор позволяет отгородиться от современного мира, толпы, шума и стресса в царстве медитации и личных мыслей. Людям комфортно сидеть в одиночку в соборе. В приходской церкви человек узнаваем, приходская церковь накладывает на него ряд обязательств. Собор обеспечивает самое дорогое, что есть в уединении: анонимность.

Социолог религии Грейс Дэви давно интересуется этой полуотстраненностью, которую называют по-разному: заместительной религией, размытой верностью и верой без причастности. В своей книге «Религия в Британии после 1945 года» она указывает, что приверженность религиозно-

му, суевериям и ритуалам брака и смерти сохраняется «в современном обществе, несмотря на несомненный спад количества посещений церкви». В этом отношении собор оказывается на «границе между священным и мирским».

Случайные посетители, туристы и молящиеся – все могут найти в соборе то, что им нужно. Они могут жаждать уходящих ввысь пропорции и игры света на камне и дереве. Они могут искать музыку, так что вечерни становятся все более популярными службами. Сейчас соборы все активнее участвуют в культурной жизни своих общин. При них есть магазины, кафе, библиотеки, ясли, клубы и учебные занятия, а в 2021 году во время пандемии коронавируса они использовались для проведения вакцинаций. Соборы снова становятся тем, чем были в Средние века: местом, где чувствуешь себя частью сообщества, и убежищем, в котором можешь укрыться от внимания людей.

В книге я рассматриваю соборы в первую очередь как произведения искусства – как результат работы архитекторов, ремесленников и художников. Соборы, как и все произведения искусства, всегда были жертвами вкусовщины. Как писал критик Джон Бергер, «на то, как мы воспринимаем вещи, влияет то, что мы знаем или что думаем». Это также зависит от того, на что мы считаем нужным смотреть. Я сознаю, что мой вкус сиюминутен и может не совпадать со вкусом других людей – в том числе и тех, для кого соборы служат целям, отличным от моих – или не соответствовать духу других

времен. Так, в капелле в Сеговии находится одна из самых ужасающих статуй, какие я только видел. Иисус изображен взрослым мужчиной, лежащим нагим на камне с прикрытыми тряпичей гениталиями и распахнутыми глазами, а из его открытых ран вытекает кровь. Точно так же в Милане я отреагировал на статую святого Варфоломея, с которого содрали кожу: его тело обнажено, а кожа выброшена на плечо, как шаль. Возможно, кто-то другой не отвернется с отвращением.



В контексте: кафедральный собор Йорка с улицы Питергейт

Однако и мои вкусы меняются со временем. Когда-то романский стиль казался мне статичным и довольно скучным. Сейчас я считаю его величавым и безмятежным, а его скульптуры не менее трогательными, чем готические. Я всегда находил готику вдохновляющей и радостной, пропитанной, по словам Джона Рёскина, «жизнью и свободой каждого рабочего, ударившего по камню». Я по-прежнему так к ней отношусь, однако теперь вижу, что, пронесясь по XV веку, готика приблизилась к вульгарности – как в Туре и Руане – и только четыре века спустя ожила в чудесном храме Саграда Фамилия (Святого Семейства) Гауди.

Связав готику с индивидуализмом и свободой, я затем связал пришедший следом классицизм с порядком и властью. Поначалу меня не трогали церковное барокко, когорты испанских Мадонн, ангелов и херувимов на фоне распятий и терзаемых святых, но, к своему удивлению, мне доставила удовольствие театральность пышного барокко, поразительный главный алтарь Толедо и рококо свода в Пассау. Я был почти разочарован в Германии, обнаружив, что «очистители» Людвига Баварского меня опередили. Тем не менее мои любимые произведения искусства в соборе обычно отличаются скромностью. Это натуралистичные капители и скамьи хора, особенно те, над которыми изображаются сцены мест-

ной светской и домашней жизни.



Венский Антон Пильграм: художник обзорекает свою работу

Итак, подведу итог: в этих зданиях я вижу воплощение истории Европы. Они представляют ее самый стойкий институт, христианство, во всем его великолепии. Они и есть эта вера в ее высшем – и в то же время в самом трудоемком – проявлении. Для Генри Адамса, говорившего о Шартре, суть готики заключалась в напряжении: архитектура удерживала стены, крыши, пилоны, арки и башни. Для него «опасность таится в каждом камне... беспокойный свод, блуждающий контрфорс, неточность логики»... Таким образом, собор становился живым существом, для которого характерны «радостное стремление, брошенное в небо, пафос неуверенности в себе, муки сомнений».

Даже сегодня ни одно другое строение не способно сравниться с этими сооружениями. Они история и география, наука и искусство, душа и тело, собранные воедино. Я счастлив, что они по-прежнему вызывают у меня растерянность, знаком вопроса застывая высоко у меня над головой.

Двадцать пять лучших соборов

#####

АМЬЕН

БУРЖ

ШАРТР

СЕВИЛЬЯ

ТОЛЕДО

ВЕНЕЦИЯ, СОБОР СВЯТОГО МАРКА

УЭЛС

####

БУРГОС

КЕНТЕРБЕРИ

КЕЛЬН

КОРДОВА

ДРЕЗДЕН

ДАРЕМ

ИЛИ

ЛИНКОЛЬН

МОНРЕАЛЕ

ОРВИЕТО
ПАРИЖ, НОТР-ДАМ
ПИЗА
РАВЕННА
САЛАМАНКА
СИЕНА
СТРАСБУРГ
ВЕНА
УИНЧЕСТЕР

Франция

АЛЬБИ ✦✦✦; АМЬЕН ✦✦✦✦✦; АРЛЬ ✦✦; ОШ ✦;
ОТЁН ✦; БОВЕ ✦✦✦; БУРЖ ✦✦✦✦✦; КАРКАСОН ✦;
ШАРТР ✦✦✦✦✦; КУТАНС ✦; ЛАН ✦✦✦; ЛЕ-МАН
✦✦✦✦; МЕЦ ✦✦; НАРБОННА ✦; ПАРИЖ, НОТР-ДАМ
✦✦✦✦✦; ПАРИЖ, СЕН-ДЕНИ ✦; РЕЙМС ✦✦✦; РУАН
✦✦✦✦; СЕН-БЕРТРАН -ДЕ-КОММЕНЖ ✦✦; СУАССОН ✦;
СТРАСБУРГ ✦✦✦✦✦, ТУЛУЗА, СЕН-СЕРНЕН ✦✦; ТУР
✦✦✦; ТРУА ✦✦✦; ВЕЗЛЕ ✦

Архитектура соборов Франции легла в основу эпохи готики. Их появление связано с разделом империи Карла Великого после его смерти в 814 году. Западная Франкия и ее столица, Париж, оказались в окружении автономных провинций – Нормандии, Аквитании и Бургундии, – но город, находившийся на пересечении торговых путей Западной Европы, процветал и рос. В 987 году Гуго Капет пришел к власти, став основателем династий Капетингов, Валуа, а затем и Бурбонов – рода, которому предстояло править Францией вплоть до возникновения революционной республики в 1789 году. Под властью Капета и его преемников в течение XI–XII веков эта небольшая область дала начало одному из самых прочных и мощных государств Европы.

Развитие Франции совпало с тремя новыми явлениями в европейском христианстве. Первым стало появление мона-

стырей, верных папской власти и находящихся вне юрисдикции местных властей и официальной церкви. Самым влиятельным стало основанное в Бургундии в 910 году Клоуни, над которым высился самый величественный романский храм – от него остались лишь фрагменты. Вторым явлением были Крестовые походы на Святую землю – первый и единственно успешный вышел из Франции в 1096 году. Третьим явлением стали регулярные паломничества, в основном из Франции на северо-запад Испании и к мощам святого Иакова в Сантьяго-де-Компостела.

Париж и земли вокруг него смогли перенаправить свои богатства, полученные в результате расточительных войн, на великолепные дома и храмы. Города соревновались друг с другом размерами перестроенных соборов – часто чрезмерно крупных для своих небольших поселений. Санс был построен в начале сороковых годов XII века, Нуайон – в конце сороковых, Санлис – в начале пятидесятых, а Суассон – в восьмидесятых годах. Строители ориентировались на готические нововведения аббата Сугерия в Сен-Дени во времена Людовика VI и Людовика VII. Сугерий назвал свет присутствием Бога на земле, так что церкви следовало стать вместилищем этого света. «Недалекий ум, – сказал Сугерий, – приходит к истине через материальное». Он имел в виду, что архитектура должна быть устроена так, чтобы пропускать максимально много света в святая святых и на алтарь. Для этого потребовался новый храмовый стиль.

К сороковым годам XII века Сугерий положил начало эпохе готики. Такие элементы, как стрельчатая арка, нервюрный свод и аркбутан, уже были в это время известны. Крестоносцы замечали их в храмах и мечетях Леванта, и их уже использовали в Бургундии и в соборе Санса к югу от Парижа. Стрельчатая арка распределяет большую часть нагрузки сразу вниз, тогда как летучая арка создает обратный эффект, что позволяет делать своды более высокими и увеличивать окна. Площадь стен уменьшается, фрески и мозаики сменяются витражами. Алтарь притягивает свет и становится хорошо видим из нефа. Развитие Парижского региона, отчасти вызванное работой Парижского университета и связанных с ним колледжей в Лане и Шартре, привело к строительному буму, сравнимому с тем, что имел место в Англии Вильгельма Завоевателя веком ранее.

Настоящее преобразование наступило во время долгого правления Филиппа Августа (1180–1223), воодушевленного изгнанием из Нормандии короля Англии Иоанна в 1204 году и победой над армией Священной Римской империи в битве при Бувине в 1214 году. В Париже Филипп возвел новую городскую стену и цитадель там, где сейчас находится Лувр. Соборы вступили в период высокой (или зрелой) готики с уходящими ввысь сводами, броскими западными фасадами и потрясающими окнами-розетками.

В этот период появился новый неф в Шартре в 1194 году, а затем были начаты работы в Бурже (1195), Труа (1200)

и Реймсе (1211). Стремление создать все более высокие своды стало маниакальным. В Шартре их высота составила 37 метров, в Амьене (1220) – 42 метра, а в Бове (1225) – рекордные 48 метров. Аркбутаны забирались все выше. Щипцы над западными фасадами покрывались резными листьями и башенками. Вместимость этих храмов намного превышала численность местного населения. Так проявлялось гражданское и церковное тщеславие.

К XIV веку французская готика стала еще изощреннее – и, по мнению критиков следующих эпох, чрезмерно богатой. Лучистая готика перешла в пламенеющую готику, получившую свое название за сходство архитектурных элементов с языками пламени. Трансепты соревновались друг с другом диаметром окон-розеток. Роковая черта была перейдена в 1284 году, когда свод хора в Бове рухнул под собственным весом. Это не помешало его капитулу спустя два века воздвигнуть башню, которая на короткое время стала самой высокой в мире – и тоже обрушилась.

Уже следующее поколение застало конец этой великой эпохи. Ресурсы Франции были перенаправлены на Столетнюю войну с Англией, а затем ослаблены черной смертью и войной за бургундское наследство. Французская соборная архитектура пережила небольшой подъем в XVI веке во время блистательного правления Франциска I (1515–1547). Некоторое время готика сосуществовала с ранним ренессансом, который нашел выражение в экзотической резьбе на си-

дней хора, и алтарных преградах, и пламенеющих фасадах Мартина Шамбижа в Бове и Труа.

В религиозных войнах XVII века Франция была на стороне Рима. Там прошли восстания гугенотов. Многие соборы были разграблены, а монастыри пришли в упадок. В XVIII веке их состояние усугубилось из-за секуляризации эпохи Просвещения. К началу Французской революции у церкви почти не осталось возможности защититься от воинствующего атеизма. Соборы стали «храмами разума», хотя их – в отличие от монастырей – не сносили. Даже когда буря улеглась, настаивали на сносе якобы заброшенных строений, включая сам Нотр-Дам. У готической архитектуры – славы Франции – было мало приверженцев.

Только во время долгого правления Наполеона III (1848–1870) к французскому собору вернулось былое щегольство. Это произошло в основном благодаря усилиям двух человек: правительственного инспектора памятников истории Проспера Мериме (1803–1870) и возрождавшего готику исследователя и архитектора Эжена Виолле-ле-Дюка (1814–1879). Последний в 1838 году в возрасте всего 24 лет получил от Мериме поручение начать то, что переросло в национальную программу восстановления храмов. Хотя Виолле-ле-Дюка критиковали за чрезмерную любовь к реконструкциям, он спас от почти неминуемой утраты Сен-Дени, Лан, Страсбург, Везле, Каркасон и парижский Нотр-Дам. Франция в неоплатном долгу у этих двоих.

Дух Виолле-ле-Дюка продолжал витать в воздухе в эпоху спасения соборов после двух мировых войн XX века. Реставрация была более радикальной, чем в Британии: восстановление становилось актом творчества. Усилия Анри Денё (1874–1969) по спасению Реймса не просто заморозили руины: они вернули к жизни и позволили увидеть таланты средневековых каменщиков и скульпторов. Подход Денё использовали при восстановлении Нотр-Дама после ужасного пожара 2019 года. Франция остается верна своему славному наследию.

Альби



Альби – самый нефранцузский собор, и, по правде говоря, снаружи он выглядит как самый несоборный собор. Причина его сходства с крепостью проста – она кроется в паранойе католической церкви, проявившейся в XIII веке в конфликте с альбигойцами (катарами). В 1208 году папа Иннокентий III объявил против катаров крестовый поход (на деле погром), чтобы уничтожить ересь дуализма. Согласно дуалистическим воззрениям, существуют два соперничающих божества, одно злое, а другое доброе: таким образом решалась христианская «проблема» существования зла. Но крестовый поход против альбигойцев был лишь прикрытием для захвата Филиппом Августом земель Лангедока. Этим захватом руководил безжалостный военачальник Симон де Монфор (1175–1218), отец своего английского тезки, парламентского деятеля (1208–1265). Продолжался этот поход около двух десятков лет.

Внутри собор не менее необычен. По бокам впечатляющего нефа насчитывается 29 обширных ниш, образованных внутренними контрфорсами. В каждой помещено по капелле, а выше, под утопленными в стены стрельчатыми окнами, проходит непрерывная галерея. Пространство оживляют многоцветные фрески, выполненные итальянскими худож-

никами в начале XVI века. Свод над фресками украшен позолоченными нервюрами и изображениями святых и знаков зодиака. Пространство, которое вполне могло быть мрачным, оказывается почти праздничным. Настоящая красота собора Альби – в его убранстве. Закрытый хор в восточной части – это практически храм в храме, словно клиру требовалась последняя линия обороны при нападении альбигойцев. Изящные перегородки, алтарные преграды и фигуры распятия, которыми отделено помещение, – все датируется 1480 годом. Благодаря тому, что их средневековая раскраска сохранилась, фигуры в нишах с внешней стороны невероятно выразительны. Кресла хора – а их 120 – образуют ослепительный ансамбль, один из лучших во Франции. Резные подлокотники перекликаются с деревянными панелями под остроконечными пинаклями. Место стоек занимают ангелы. За хором находится святилище – отделенное перегородками помещение. Проходы украшены пламенеющим ажуром, исполняющим альбигойскую пляску завитков, в сопровождении апостолов в развевающихся одеяниях.



Альби: крепость на чужой земле

Ужасы войны были еще живы в памяти людей в 1272 году, когда в самом сердце альбигойских земель начали строить собор. На волю случая не полагались. Собор в Альби – это средневековый эквивалент бомбоубежища, башня со стенами толщиной 3,5 метра и с узкими прорезями вместо окон. Единственное, что радует глаз, – нежно-розовый цвет здания.

Примечательны откосы в нижней части стены. Благодаря им снаряды, сброшенные из бойниц, рикошетом отлетали бы к нападающим. Контрфорсы скруглены, это должно было помешать подрывам. Тут нет трансептов или украшенного за-

падного фасада. Это по сути сторожевое укрепление.

Сегодня вход располагается с южной стороны, где находится практически неуместный для этого собора пламенеющий портик, украшенный каменной филигранью. Он появился в XV веке, в более спокойное время. Дверной проем увенчан тимпаном с узором «елочкой» под причудливой крышей. Только этот портал и ажурный восьмиугольник на крыше башни намекают на более мирное назначение этого здания.

Западная часть храма даже более эффектна. Скамьи нефа повернуты спинами к хору и обращены к двум выгнутым внутренним стенам, которые относятся к двум западным башням. На стенах сохранились – все еще в неплохом состоянии – остатки великолепной фрески фламандских мастеров, изображающей картины Страшного суда, одного из ужасов преисподней. Выражение лица несчастной, что извивается среди чертей, сегодня может показаться даже смешным, но раньше наверняка будоражило прихожан, как и было задумано. В XVIII веке во фреску врезали огромный орган, пульт которого удерживают два мускулистых великана. Считается, что масштабы лишенного боковых нефов собора и его эффектность вдохновили архитекторов «высокой церкви», жадных до пространств. В результате в викторианской Англии появились такие храмы, как церковь Святого Августина в Пендлбери и церковь Святого Варфоломея в Брайтоне, знаменитая своим нефом. Рядом с собором возвышается

столь же хорошо укрепленный епископский дворец. Альби был действительно воином от церквей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.